

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

ДВЕ ЭПОХИ В ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Статья посвящена рассмотрению языка с универсально-эволюционной точки зрения. Она позволяет увидеть в нём, с одной стороны, результат универсальной эволюции, а с другой, выделить в языковой эволюции две эпохи – моновербальную и поливербальную.

Ключевые слова: универсальная эволюция, антропогенез, культурогенез, глоттогенез, эволюция языка, моновербальная эволюция, поливербальная эволюция.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

TWO EPOCHS IN THE LANGUAGE EVOLUTION

This article is dedicated to the analysis of language through the universal evolutionary point of view. It allows us to see in it, on the one side, the result of biological evolution, on the other side, it allows us to emphasize two epochs in the evolution of language – monoverbal and polyverbal.

Keywords: the universal evolution, the anthropogenesis, the cultural genesis, glottogenesis, the evolution of language, the monoverbal evolution, the polyverbal evolution.

Языковые черты следуют по пути эволюции от самых первых попыток преобразовать вокализации животных в человеческую речь и до самого сегодняшнего дня.

Президент Международного общества
происхождения языка Бернар Бичакджан

По мнению Б. Бичакджана, над современной лингвистикой по-прежнему витают «антиэволюционные демоны». Эти демоны смущают души некоторых представителей этой науки до такой степени, что эволюционизм они не просто отвергают, а открыто выступают как его враги. Приведу здесь три высказывания Б. Бичакджана на этот счёт:

1. «Почему язык оказывается родившимся, подобно Афине, в полном вооружении в результате одной генетической мутации? Почему бы им не представить вместо этого язык как инструмент, развивающийся под воздействием эволюционного процесса? Это ключевые вопросы, и ответ на них прост: гуманитарии не любят *эволюции*. Говорить об эволюции в лингвистике неpolitкорректно» [Бичакджан, 2008, с. 60–61].

2. «Есть ли у тех, кто открыто критикует эволюционистские объяснения перехода от эргативного строя к номинативному или от конечного положения вершины к начальному, данные, показывающие, что эти изменения в нормальном случае *не* однонаправлены или что их результат *не* имеет адаптивных преимуществ перед исходным состоянием? Нет, они просто отвергают эволюционистские объяснения, потому что они против эволюции (см., например, [Newmeyer 2000])» [Там же. С. 61].

3. «За этими поверхностными суждениями стоит глубинная потребность изгнать эволюционный подход из лингвистики. Добро бы ещё, если бы она бы выражалась в достойных усилиях продемонстрировать большее знание релевантных языковых данных или расширяла возможности анализировать и оценивать эти данные, но этого нет (см., например, [Guu 2001]). Это заключается либо в злонамеренном введении насмешки в серьёзную полемику, либо в ханжеских попытках выступить в роли бесстрашного рыцаря в блистающих доспехах, неустанно сражающегося с

мнимым злом социального дарвинизма Герберта Спенсера или, более близкий пример, предложенного Е. О. Уилсоном биологического подхода к социальному поведению» [Там же. С. 64].

Написано с болью сердца! Иначе и не могло быть: Бернар Бичакджан (Bernard Bichakjian) – президент Международного общества происхождения языка. Как ему не бичевать антиэволюционистов, если речь идёт об эволюционной лингвистике? Как эволюционной лингвистике обойтись без эволюционизма? Но тут есть одна немаловажная деталь: Б. Бичакджан – не универсальный эволюционист, а лишь биологический. Он автор книги *Language in a Darwinian Perspective* «Язык в дарвиновской перспективе» [Bichakjian, 2002]. Однако более широкий взгляд на задачи эволюционной лингвистики предполагает соединение лингвистики с философией универсальной эволюции. Это соединение предполагает в первую очередь связь глоттогенеза с антропогенезом.

А. А. Зубов пишет: «Становление рода *Homo*, несомненно, было эволюционным скачком, причём в те времена и в той среде это был “скачок через пропасть” (имеется в виду ухудшение климатических условий в середине III миллиона лет до н.э. на прародине первых людей – в Восточной Африке. – В.Д.). Исключительность таксона *Homo* проявилась ещё в одном необычайно важном его свойстве – способности к систематическому использованию, а затем и к обработке камня. Практически одновременно с возникновением человеческого рода и возникла первая, постоянно совершенствующаяся технология» [Зубов, 2011, с. 27].

Когда появились первые люди? А. А. Зубов в только что процитированной мною книге допускает, что это произошло около 3 млн лет назад, однако его удерживают от этой цифры данные антропологии, которые, возможно, со временем подтвердят и более долгий эволюционный возраст человечества. В настоящее же время считается, что переход от человекообразных обезьян к людям начался приблизительно 2,5 млн лет назад. «Таким образом, – читаем у А. А. Зубова, – датировка возникновения первых людей, во всяком случае, по мнению антропологов, пока ограничивается рубежом 2,5 млн лет» [Там же].

Следует обратить особое внимание на это «пока», поскольку в антропологии действует тенденция к удлинению эволюционного возраста людей. Вполне возможно, что со временем дело дойдёт до узаконивания эволюционного возраста человечества в 4–5 или даже в 6–7 млн лет. Тем более, что современная антропология – наука бурно развивающаяся. Ей на помощь к тому же всё активнее приходит генетика.

Итак, будем считать, что первые люди появились приблизительно 2,5 млн лет назад в Восточной Африке – на территории современной Кении, Эфиопии и Танзании. Уже с начала II миллионолетия до н.э. они стали расселяться по африканскому континенту во все четыре стороны, а со временем добрались до Европы, Азии, Австралии и Америки. При этом они, естественно, становились людьми всё в большей и большей степени. Иначе говоря, они осуществляли свою человеческую эволюцию.

Только один вид благополучно дожил до настоящего времени – это мы, *Homo sapiens*. Но наш вид, как считают теперь, появился лишь 100 тыс. лет назад (некоторые исследователи увеличивают его возраст вплоть до 250 тыс. лет). Возникает вопрос, кто мы и откуда мы? Иначе говоря, какова периодизация человеческой эволюции?

Картина антропогенеза, как она изображена в современной науке, характеризуется крайней неустойчивостью. А. В. Марков это объясняет её бурным развитием. Он пишет: «Изучение антропогенеза в последние годы продвигается семимильными шагами. Сенсационные открытия совершаются чуть ли не ежемесячно» [Марков, 2012, с. 16].

Я постараюсь обойти сенсационные страницы в изучении антропогенеза. Я не буду здесь рассказывать, например, об открытии карликовых людей («хоббитов») *Homo floresiensis*, остатки которых были обнаружены в 2003–2004 гг. в Индонезии М. Морвудом и П. Брауном на острове Флорес и которые жили, как предполагают, 95–12 тыс. лет назад.

Я не буду также анализировать ситуацию, возникшую с денисовским человеком, останки которого обнаружены в Денисовской пещере на Алтае. Я не бу-

ду также обсуждать здесь вопрос о каннибализме у антесессоров. Весьма подробную картину антропогенеза можно найти в книгах А. А. Зубова, А. В. Маркова, С. А. Бурлак и др.

Я здесь ставлю перед собой задачу поскромнее: обрисовать периодизацию антропогенеза в её более или менее устойчивом виде.

Человеческую историю делят на три больших периода. Первый из них охватывает историю *ранних Ното*, второй – средних *Ното (архантропов)*, и третий – *поздних Ното*. Первый начался приблизительно 2,5 млн лет назад, второй – 2 млн лет назад и третий – 100 тыс. лет назад.

Ранние Ното

Прародителем человека (а стало быть, самым первым человеком) считают человека умелого – хабилиса (*Homo habilis*). Останки его 12-летнего ребёнка обнаружил в Олдувайской пещере в Танзании в 1960 г. кенийский антрополог Луис Лики (1903–1972) со своей женой Мэри (1913–1996).

Мозг взрослого хабилиса был в среднем больше, чем у австралопитеков – приблизительно 650 см. (у современных людей он колеблется между 1000 и 1800). Он был прямоходящим. Однако главное его эволюционное приобретение – высокая степень развития кистей рук, благодаря которому он изготавливал орудия труда – из палок, костей, рогов, но в особенности из камней.

Хабилис стал творить материальную культуру, которую называют Олдувайской. Главное её свидетельство – каменные ножи. Они представляли собой обломки камней с заострёнными краями, которые умелые люди изготавливали с завидным упорством. Эти камни использовались для обработки растительной и животной пищи, для разделки туш животных и т. п.

Но дело у хабилисов не ограничивалось материальной культурой. Они владели языком, а язык – продукт духовной культуры. Об этом свидетельствует строение их органов произношения: челюсти стали менее массивными, чем у их животных предков – австралопитеков, а гортань была в какой-то мере уже похожа на гортань современных людей). Более того, по строению их черепа было даже обнаружено наличие в их мозге центра речи – центра Брока.

Архантропы

К архантропам относят *человека прямоходящего – эректуса (Homoerectus)*. Он произошёл от хабилиса, хотя и, по утверждению А. В. Маркова, сосуществовал со своим предком в течение полумиллиона лет.

Именно эректус стал продвигаться из Африки около 2 млн лет назад на Ближний Восток, Европу и Азию. Африканского эректуса называют *человеком работающим – эргастером*, европейского – *гейдельбергским человеком*, китайского – *синантропом* и индонезийского – *питекантропом*. Последние чуть ли не дожили до нашего времени: последние питекантропы в Индонезии вымерли 27 тыс. лет назад.

Эректусы стали намного больше походить на сапиенсов, чем хабилисы. Объём их мозга чуть ли не сравнялся с современным человеком – от 900 до 1200 см³. Они – основатели ашэльской культуры. Так назвали первую культуру за пределами Африки (по месту её продуктов во Франции – Сент-Ашэль). Она возникла приблизительно 1,8 млн лет назад. Представители этой культуры существенно продвинулись на пути очеловечения. Они изготавливали более сложные орудия труда, чем хабилисы. Пользовались деревянными копьями. Жили в пещерах. Носили одежду и т. д.

Психическая и культурная эволюция эректусов влияла на их языковую эволюцию, которая, в свою очередь, способствовала их дальнейшему психогенезу и культурогенезу.

О развитии языка у эректусов свидетельствует, в первую очередь, два факта: 1) их челюсти мало чем отличаются от челюстей современных людей; 2) строение их черепа свидетельствует о значительном увеличении центра Брока – центра речи в мозге.

Поздние Номо

Их главные виды – *неандерталец (Homo neanderthalensis)* и *кроманьонец, сапиенс (Homo sapiens – человек разумный)*.

Неандерталец (по месту находки его останков в 1856 г. в ущелье Неандерталь в Германии) и сапиенс, по-видимому, произошли от разных подвидов

эректуса: первый – от европейского (гейдельбергского человека), а другой – от африканского (эргастера). По мнению А. В. Маркова, они появились на сцене мировой истории в одно и то же время – приблизительно 130–125 тыс. лет назад [Марков, 2012, с. 451]. Однако борьба не на жизнь, а на смерть между ними развернулась примерно 45 тыс. лет назад, когда сапиенсы, которые долго осваивали Азию и даже перебрались в Австралию, стали, наконец, переселяться в Европу, которая была уже оккупирована неандертальцами.

Борьба между двумя видами людей – неандертальцами и кроманьонцами – закончилась исчезновением первых предположительно через 5 тысячелетий. Следовательно, 40 тыс. лет мы, люди, живём на Земле в единственном числе. Все остальные виды людей – хабилис, эректус с четырьмя его подвидами (эргастер, гейдельбергский человек, синантроп и питекантроп) и неандертальцы канули в Лету.

Зато выживший вид людей за последние 40 тыс. лет осуществил грандиозную культурную эволюцию. Он создал мощнейшую материальную культуру и богатейшую духовную культуру. Среди разных сфер духовной культуры особая роль принадлежит языку. Без его эволюции великий культурный взлёт сохранившихся на Земле людей был бы невозможен, поскольку язык – проводник любой другой сферы культуры – науки, искусства, нравственности, политики и т. д.

Свои эволюционные характеристики человек передал своему детищу – языку. Как и человек, язык имеет четыре стороны – физическую, биотическую, психическую и культурную. Как и человек, язык вобрал в себя всю предшествующую эволюцию – физическую, биотическую, психическую и культурную. Как и человек, язык обязан своим происхождением в первую очередь культурогенезу.

В эволюции каждой из своих сторон – физической, биотической, психической и культурной – язык в какой-то мере повторил эволюцию человека. В этом состоит суть идеи о гомо-лингвальном изоморфизме.

Однако не следует останавливаться лишь на констатации четырёхуровневого изоморфизма между человеком и языком. Новая ступень в развитии идеи о гомо-лингвальном изоморфизме – поиск эволюционной доминанты. Эта доминанта оказывается одной и той же как в отношении к человеку, так в отношении и к языку. Этой доминантой является культура.

Каждая сторона языка, как и человека в целом, эволюционирует, но приоритетную роль в его развитии играет эволюция его культурной стороны. Культурной эволюции обязан своим существованием человек. Культурной эволюции обязан своим существованием и язык.

Возникает вопрос: в чём состоит культурная эволюция? Она состоит в преобразовании мира, в котором жил и продолжает жить человек. В отличие от животных, он не только приспосабливается к окружающему миру, но и преобразует его, делает его лучше. Однако даже и в способности приспосабливаться человек превзошёл своих эволюционных собратьев! Но главное в другом: он научился культуросозиданию.

Честь и хвала человеку, что в способности приспосабливаться он превзошёл своих эволюционных собратьев! Но всё-таки сводить всю человеческую жизнь к животному самовыживанию, к рабскому приспособлению к окружающей среде – насмешка над человеком, его анимализация, ибо человек заслуживает более высокой оценки: он не только приспосабливается к окружающей среде, как животное, но и изменяет, улучшает, совершенствует эту среду. Он думает не только о том, как ему получше пристроиться к этой многотрудной жизни, но и о том, чтобы его потомкам жилось лучше, чем это удалось ему и его современникам. Он готов на самопожертвование. Он участвует в продолжающемся культурогенезе, чтобы поднять культуру на новый, более высокий уровень её развития. Он видит в её продуктах – языке, науке, искусстве, нравственности и т. д. – не только средство к телесному самовыживанию, но и признаёт их высочайшую духовную самоценность.

Таков идеальный Человек (с большой буквы). Реальные же люди лишь в той или иной мере приближаются к этому идеалу, но сущность человека для всех

одна – культуросозидательная. Она состоит в инкультурации – первоначальном вращении в культуру и максимальном участии в её дальнейшем развитии. Только в этом случае человек живёт, а не выживает. Только в этом случае он – человек, а не говорящее животное.

Языковая эволюция – часть культурной эволюции. Вот почему первая берёт свою созидательную, преобразовательную, творческую доминанту у второй. Благодаря этой доминанте, люди создавали и создают не только продукты материальной культуры, но также и продукты духовной культуры – включая язык. У всех продуктов культуры в конечном счёте один источник – культуросозидательная энергия её творцов.

Язык вбирает в себя культурную эволюцию. Если картина мира у первобытных людей не выходила за пределы их узкого мирка, то со временем она всё больше и больше стала оправдывать своё название: узкий мирок первобытных людей становился всё более и более обширным у их потомков. Современные люди довели своё представление о мире до подлинного мировоззрения, которое предполагает охват не узкого мирка, в котором выживают, а весь мир, в котором живут.

Язык обслуживает мировоззрение. Он делает это, прежде всего, с помощью ословливания (вербализации) того мира, который он способен охватить своим мысленным взором. Вербализация закрепляет в языке все пять сфер этого мира – унисферу, физиосферу, биосферу, психику и культуру. Благодаря этому, в любом языке формируется своя картина мира. Степень её разработанности и своеобразия проистекает из уровня культуры её творцов, а также из особенностей их национального мировидения.

Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Язык тесно переплетается с духовным развитием человечества и сопутствует ему на каждой ступени его локального прогресса или регресса, отражая в себе каждую стадию культуры» [Гумбольдт, 1984, с. 48–49].

Я вижу в этих словах великого учёного предтечу эволюционно-культурного подхода к проблеме происхождения языка и его дальнейшей эволюции. Суще-

ность этого подхода к проблеме глоттогенеза состоит в том, чтобы её рассматривать в контексте вопроса о происхождении культуры в целом. Основанием для него служит тот факт, что язык является важнейшим компонентом культуры. Он эволюционировал и продолжает эволюционировать вместе с другими его компонентами.

Каждый из продуктов культуры, несмотря на его своеобразие, эволюционировал и эволюционирует благодаря одному и тому же виду человеческой энергии – культуросозидательной (творческой, преобразовательной). Не составляет исключения и язык. Вот почему оторвать эволюцию языка от эволюции культуры в целом не представляется возможным.

Язык создавался нашими предками по тем же моделям, которые они использовали для изготовления любых других продуктов культуры – каменных орудий труда, дротиков для охоты и т. д. На зародышевый язык наш предок направил тот же вид энергии, которую он направлял и на любой другой продукт культуры. Эту энергию следует расценивать как собственно человеческую.

Достоинство эволюционно-культурного подхода к вопросу о происхождении языка заключается в том, что он вписывает процесс глоттогенеза не только в культурогенез, но в эволюционный процесс в целом, поскольку культурогенез не стал бы возможен, если бы ему не предшествовал многомиллионный процесс физиогенеза, биогенеза и психогенеза. Современный человек, обладающий языком высокой культуры, есть результат этого процесса и последующего процесса инкультурации наших предков, их очеловечивания, или гоминизации.

Прекрасно о культурогенезе сказал А. Н. Леонтьев: «Человек не рождается наделённым историческими достижениями человечества. Каждый отдельный человек учится быть человеком. Чтобы жить в обществе, ему недостаточно того, что ему дает природа при его рождении. Он должен ещё овладеть тем, что было достигнуто в процессе исторического развития человеческого общества. Достижения развития человеческих поколений воплощены не в нём, не в его природных задатках, а в окружающем его мире – в великих творениях челове-

ческой культуры. Только в результате процесса присвоения человеком этих достижений, осуществляющегося в ходе его жизни, он приобретает подлинно человеческие свойства и способности; процесс этот как бы ставит его на плечи предшествующих поколений и высоко возносит над всем животным миром» [Леонтьев, 1981, с. 417; 434].

Итак, вопрос о происхождении языка аналогичен вопросу о происхождении культуры в целом. Последняя представляет собою результат творческого отношения человека к действительности. Предок человека должен был совершить такую биопсихическую эволюцию, которая позволила ему взглянуть на окружающий мир глазами преобразователя. Наш животный предок уже пользовался зачаточным языком. Творческое отношение к нему позволило первобытному человеку увидеть в нём нечто такое, что можно улучшить, преобразовать, усовершенствовать. Язык создавался и развивался так же, как и другие продукты культуры.

Литературный язык – результат многовековой культурно-нормативной обработки национального языка в целом. Он – вершина его эволюции. Но, бесспорно, она была бы невозможна, если бы язык не развивался вместе с культурой его носителей в целом. На развитие языка воздействовало развитие науки, искусства, нравственности и т. д. Все это говорит о том, что при решении вопроса о происхождении языка и его литературно-нормативной эволюции исследователь должен заниматься вопросами, связанными с происхождением и развитием культуры в целом.

Отношения между культурой и языком можно определить как коэволюционные. Иначе говоря, они находились и находятся в отношениях взаимного влияния. Однако на приоритетное положение мы должны поставить здесь не язык, а культуру: он коэволюционировал и коэволюционирует вместе и вслед за культурой. Его коэволюция с культурой шла и идёт по пути обслуживания развивающейся культуры.

Служебную роль по отношению к культуре язык выполнял тем более успешно, чем успешнее эволюционировал каждый из его уровней – звуковой,

словообразовательный, лексический, морфологический, синтаксический и текстуальный.

Эволюция не каждого языкового уровня зависит от эволюции культуры в равной степени. Языковая эволюция подчиняется и внутренним факторам. Непосредственное влияние культурогенез оказывает на развитие основных уровней языка – лексического и текстуального, тогда как на развитие других его уровней он оказывает опосредованное влияние. Непосредственное влияние на эволюцию языка на этих уровнях оказывают внутриязыковые тенденции. Они делают язык в какой-то мере самонастраивающейся системой. Языкотворческая энергия в этом случае направляется в русло тенденций, ставших господствующими в данном языке. Эти тенденции начинают выступать в нём в качестве эволюционных системообразующих факторов – детерминант.

МОНОВЕРБАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Каким был отправной пункт эволюции языка? Если мы признаём, что прародителем человека был хабилис, то отсюда следует, что он – создатель первого праязыка. Иначе и не могло быть, поскольку язык – неотъемлемый спутник человека. Может ли этот первый праязык реконструирован?

А. Ю. Милитарёв настроен на оптимистический ответ. В своём интервью «Независимой газете» от 25 сентября 2007 г. с эффектным названием – «На каком языке говорили Адам и Ева?» он выразил уверенность в применимости сравнительно-исторического метода к реконструкции первобытных языков.

Главную мечту компаративистов, замахнувшихся на проблему глоттогенеза, очень точно сформулировал А. Н. Барулин: «Главная мысль, которая поддерживает в компаративистах веру в моногенез, сводится к тому, что сведение большого числа современных языков к небольшому числу праязыков создаёт перспективу уменьшения, по мере реконструкции, числа праязыков до одного» [Барулин, 2008, с. 43].

Этот первый праязык А. Ю. Милитарёв и назвал языком Адама и Евы или «протобашенным». Существовал ли такой язык? Сторонники человеческого

моногогенеза отвечают на этот вопрос положительно, а сторонники человеческого полигенеза – отрицательно. А. Н. Барулин относится к последним. Своё полигеническое кредо он выразил в самом конце указанной статьи: «...языки человечества появились в нескольких разных местах независимо друг от друга» [Там же. С. 56].

Из полигенической точки зрения на происхождение людей вытекает вывод о том, что в Восточной Африке было несколько племён хабилисов, которые независимо друг от друга пришли к созданию своих языков. Из моногенической точки зрения на происхождение людей, напротив, вытекает вывод, что в Восточной Африке было только одно племя хабилисов, которое положило начало человеческому языку.

Какая же из указанных точек зрения ближе к истине – моногеническая или полигеническая? В современной глоттогенической науке господствует первая. Об этом, в частности, писала Т. В. Черниговская: «Вероятность множественности центров возникновения *Homo sapiens* считается крайне малой (см. [Бунак 1980; Долуханов 2007]). Вопрос о моно- или полигенезе человеческого языка уже давно является предметом дискуссий при явном приоритете идеи моногогенеза (существования “протобашенного” языка для большинства лингвистов» [Черниговская, 2008, с.398].

Что мы можем сказать по поводу дискуссии о моногогенезе и полигенезе рода человеческого? Моногогенез вероятнее полигенеза. Если было несколько племён, создавших свои языки, то сразу вытекает необходимость в определении их предъязыков – «языков», принадлежащих разным группам австралопитеков. Менее запутанной выглядит ситуация с происхождением первого языка, если мы будем исходить из моногенической точки зрения: одно племя хабилисов, шагнувших к человеческому языку, – один первый праязык.

Никакая гиперностратическая теория не в состоянии реконструировать первый праязык. Его реконструкция – явная утопия. Единственно, на что мы здесь можем рассчитывать: попытаться обрисовать, выражаясь языком В. Гумбольдта, характер этого языка. Более того, вполне резонно говорить лишь о характе-

ре и по отношению к произошедшим из него языкам – у многочисленных племён хабилисов, а затем – у эректусов. Они говорили на разных языках более двух миллионов лет, живя на разных континентах. Их реконструкция – не меньшая утопия, чем реконструкция первого праязыка.

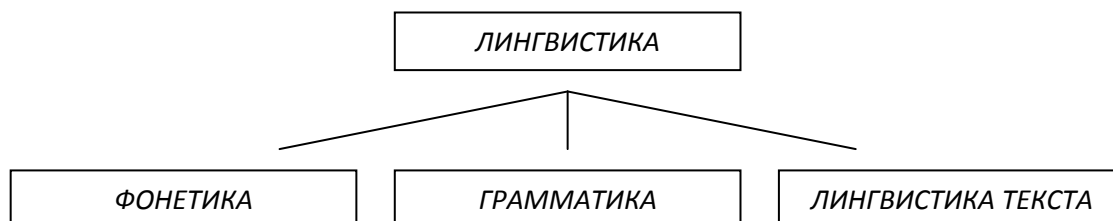
Но отсюда не следует, что мы должны вообще отказаться от мысли о языковой эволюции. Эта мысль только тогда не выглядит абсолютной химерой, когда мы будем исходить из обобщённого образа первобытного языка (протоязыка). В этом обобщённом протоязыке при таком подходе предполагаются некоторые черты, объединяющие все первобытные языки.

Нам не дано угадать, каким на самом деле был протоязык – язык первых людей. Однако, опираясь на главный закон эволюции, утверждающий, что всё в этом мире движется от более простого к более сложному, мы можем вообразить, как приблизительно выглядел протоязык.

Прекрасно обосновал методику ретроспективного движения к протоязыку («первоначальному языку») Бернар Бичакджан: «От бактерии до человека каждое более древнее состояние отличается от более нового. В этом суть эволюции. В случае гоминид, например, с каждым шагом назад в эволюционное прошлое уменьшается сходство с современными людьми, а сходство с обезьянами соответственно увеличивается. Такова же ситуация и в лингвистике – чем дальше мы спускаемся в глубь веков, тем более архаичными становятся языковые черты. Это можно сравнить с технологией. Совершенно так же, как когда-то не было электричества, паровых двигателей, пороха, бронзы и железа, лука и стрел, в эволюции языка были времена, когда не было артиклей, временных различий, вложенных предложений, пассивных конструкций, номинативности, прилагательных. Звуки речи, грамматические различия, показатели и синтаксические структуры – всё развилось из примитивных предковых сущностей и превратилось в современные приспособления со всё возрастающими адаптивными преимуществами» [Бичакджан, 2008, с. 67].

Движение к протоязыку нужно начинать с современного языка. Как он устроен? Он включает в себя три строя – звуковой, грамматический и тексту-

альный. Первый из них изучает фонетика, второй – грамматика и третий – лингвистика текста. Схематически дисциплинарную структуру внутренней лингвистики можно изобразить с помощью такой схемы:

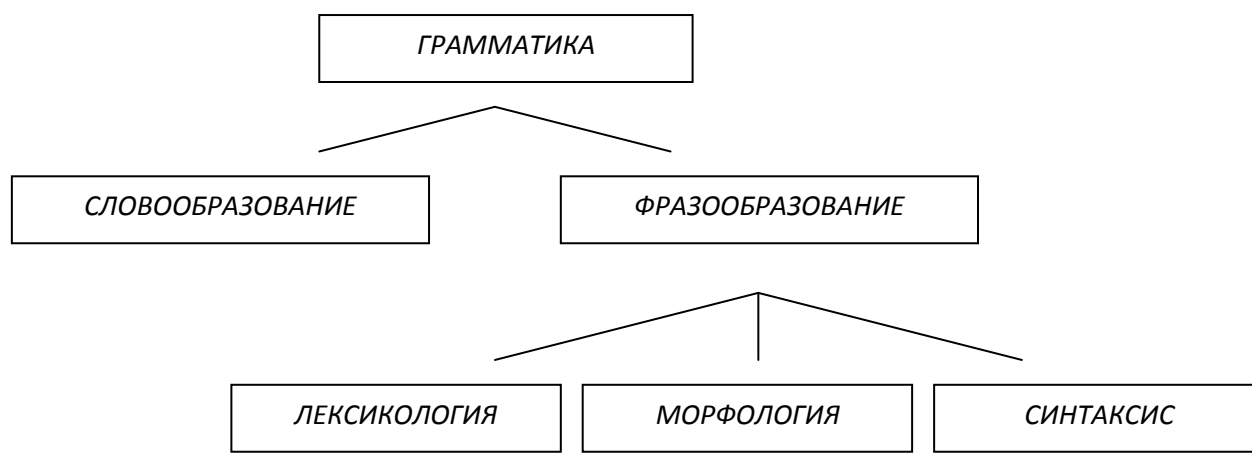

Говорить о лингвистике текста – по отношению к протоязыку – преждевременно, поскольку до освоения текстообразовательной способности его носителям было ещё очень далеко. Остаются две внутрилингвистические дисциплины – фонетика и грамматика.

Каким был предмет фонетики, обращённой к протоязыку? К моменту его появления первобытные люди уже научились превращать диффузные предслова в членораздельные слова, а следовательно, они были способны к звукообразовательной деятельности.

Грамматическая деятельность первобытных людей не могла существенным образом не отличаться от соответственной деятельности современных людей. У современных людей эта деятельность намного сложнее, чем у первобытных. Чтобы это увидеть, необходимо обратиться к дисциплинарной структуре грамматической науки. Она может быть изображена следующим образом:

Словообразование – наука о создании новых слов, а фразообразование – о создании новых предложений. В состав последней из этих наук входят лексикология, морфология и синтаксис. Первая из них направлена на изучение про-

блем, связанных с лексическим периодом фразообразования, когда говорящий отбирает слова для создаваемого им предложения. Морфология, в свою очередь, имеет дело со вторым, морфологическим, периодом фразообразования, когда говорящий оформляет лексемы, поступившие в его распоряжение из первого периода фразообразования, морфологическими средствами. Синтаксис, наконец, связан с проблемами, которые решает говорящий в третий, синтаксический, период фразообразования, когда он устанавливает в предложении определённый порядок слов и его актуальное членение. Фразообразовательный процесс начинается, например, со слов *заяц, бежать, поляна*, а заканчивается готовым предложением *Заяц бежит по поляне*.

Как обстояло дело со словообразовательной деятельностью у носителей протоязыка? Первые слова они создавали, надо полагать, из тех предслов, которые они унаследовали от своих животных предков и которые в результате долгой звуковой обработки эволюционировали в членораздельные человеческие слова. Такой способ словообразования вслед за К. Беккером можно назвать звукообразованием.

Как обстояло дело с фразообразовательной деятельностью у наших первобытных предков? Назвать её *фразообразовательной* не представляется возможным, поскольку до создания несколькихсловных предложений – фраз – у них дело ещё не доходило. Они обходились однословными предложениями.

Эволюция – процесс медленный. Не составляет исключения и языковая эволюция. Мы можем наметить в ней две эпохи – эпоху однословного синтаксиса и эпоху несколькихсловного синтаксиса. Первую условно можно назвать моновербальной эволюцией, а другую – поливербальной. В первом случае речь идёт о создании лишь однословных предложений, а во втором – не только и не столько однословных, сколько несколькихсловных.

Моновербальная эволюция, надо полагать, длилась несколько тысячелетий. В процессе этой эволюции первобытные люди всё более и более успешно использовали однословные предложения для обозначения не только тех или иных

явлений самих по себе (*Птица.Большая.Летит. Высоко*), но и определённых ситуаций (вспомним потебнианское *Лек* как эквивалент *Птица летит*).

Иначе говоря, потебнианское слово-предложение *Лек* могло обозначать и птицу, и её размер, и действие, которое она совершает, и высоту её полёта и т. д. Более того, это *Лек* могло употребляться в качестве метафоры по отношению к любому летящему предмету – камню, копью, стреле и т. д. Иначе и не могло быть, поскольку лексический запас в протоязыке был чересчур ограниченным. Вот почему первые слова в моновербальном языке должны были обладать намного большей полисемантичностью, чем в языке поливербальном.

Однако моновербальная полисемантичность была настолько широкой и неупорядоченной, что её можно охарактеризовать как синкретическую или диффузную. Она была лишь далёкой предтечей полисемии, которая появится в поливербальном языке. Тем более она была далека от тех механизмов, которые управляют полисемией в современных языках и которые были выработаны в течение долгой языковой эволюции.

Синкретической (диффузной) полисемантичностью первых слов объясняется отсутствие частей речи в моновербальном языке – не в том смысле, что его носители не обладали способностью отграничивать друг от друга те категории, которые лежат в основе частей речи (первоначальной способностью к категоризации мира обладают уже животные), а в том смысле, что слова в протоязыке ещё не имели частеречных показателей. В монолингвальном языке в них не было необходимости.

Необходимость в частеречных показателях появится в поливербальном языке, творцами которого стали, очевидно, поздние люди – неандертальцы и кроманьонцы. В отличие от своих предшественников, категорию субстанции они положат в основу существительных, а категории субстанциальных атрибутов – в основу глаголов и прилагательных. Грамматическая специализация этих частей речи, надо думать, – процесс синхронический, а не диахронический. Вот почему процесс появления частей речи в языке следует начинать не с одной части речи – существительного, глагола или ещё какой-нибудь *единственной* ча-

сти речи, а, по крайней мере, с трёх – существительных, глаголов и прилагательных. Но этот процесс – достояние поливербальной эволюции, а не моновербальной.

Моновербальная эволюция шла по пути увеличения лексикона у первобытных людей. Это увеличение, очевидно, уже в процессе этой эволюции происходило за счёт осознания лексического способа словообразования – за счёт употребления слов, уже имеющих в протоязыке, в переносном употреблении.

Иначе говоря, словообразование, очевидно, началось с метафор и метонимий. Такое предположение естественным образом вытекает из природы моновербальной коммуникации у первобытных людей: однословные предложения не требовали морфологизации тех слов, из которых они создавались. Переход лексической формы слова в синтаксическую не был опосредован его морфологической формой.

В морфологических формах слова у носителей протоязыка не было нужды. Эта нужда возникнет в несколькословных предложениях, которые с их помощью, во-первых, приобретут способность конкретизировать описываемую ситуацию по отношению к каждому из её компонентов, а во-вторых, она станет необходимой для установления в них тех или иных отношений между членами предложения. Без морфологизации слов в акте фразообразования речь древних людей напоминала бы речь афатиков, не способных устанавливать синтаксические отношения между словами, из которых они пытаются строить предложение.

Итак, в эпоху моновербальной эволюции первобытные люди совершенствовали три вида речевой деятельности – звуковую, словообразовательную и грамматическую. Две последних коренным образом отличались от соответствующих видов речевой деятельности у современных людей. Словообразовательная способность ограничивалась лишь лексическим способом словообразования. Аффиксальные способы словообразования (префиксация, суффиксация и т. п.), очевидно, были освоены в процессе поливербальной эволюции. Это предположение напрашивается потому, что в это время слова, из которых создавались

предложения, ещё не подвергались морфологизации, в частности, за счёт флексий. Естественно предположить, что способность к аффиксальному словообразованию и флективной морфологизации формировалась в одно и то же время.

Но главный отличительный признак протоязыка состоял в том, что его носители в течение целой эпохи в их языковой эволюции пользовались лишь однословными предложениями. Процесс построения таких предложений был намного проще, чем в новую, поливербальную, эпоху по двум главным причинам: 1) каждое предложение состояло лишь из одного слова; 2) этот процесс включал в себя только два периода – лексический и синтаксический, тогда как морфологический период в нём отсутствовал. Обобщенно говоря, фразообразовательной способностью носители протоязыка ещё не владели.

ПОЛИВЕРБАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Способность людей к фразообразовательной деятельности – величайшее событие в культурогенезе. Оно стало возможным благодаря коэволюции языковой эволюции с эволюцией психической и культурной.

Поливербальная эволюция была вызвана необходимостью, связанной с обслуживанием психической эволюции. В результате этой эволюции когнитивные и практические потребности у древних людей уже не могли удовлетворяться с помощью однословных предложений. Вот почему их речь не могла не эволюционировать от однословных предложений к несколькословным.

Поливербальная эволюция была вызвана необходимостью, связанной с обслуживанием культурной эволюции. В результате этой эволюции у древних людей появлялась необходимость к осмыслению и освоению всё новых и новых сфер культуры – сначала материальной, а затем и духовной. Подобное осмысление невозможно с помощью однословных предложений.

Растущие потребности древних людей не могли не вызвать революционных изменений в их языке. Несколькословные предложения потребовали, с одной стороны, новых слов, а с другой, усложнения фразообразовательного процесса. Новые слова стали создаваться с помощью новых способов словообразования –

префиксации, суффиксации и др. Новые предложения, в свою очередь, стали создаваться за счёт перевода лексических форм слова сначала в морфологические, а уж затем – в синтаксические. Иначе говоря, процесс построения нового предложения стал усложняться за счёт развития трёх периодов фразообразовательной деятельности – лексического, морфологического и синтаксического.

Поливербальная эволюция, наконец, привела к приобретению текстообразовательной способности. Эта способность в особенности стимулировалась письменностью.

Поливербальная эволюция в конечном счёте вылилась в эволюцию всех ярусов языка – звукового, грамматического и текстуального. Второй из этих ярусов развивался и развивается благодаря четырём формам языковой эволюции – словообразовательной, лексической, морфологической и синтаксической.

Реконструировать эволюцию каждого языкового уровня – звукового, словообразовательного, лексического, морфологического, синтаксического и текстуального – мы можем лишь в самом приблизительном виде, поскольку их эволюция теряется в недоступной для нас древности. Однако приблизительное представление о ней мы можем составить по установлению тенденций, действующих в языковой истории. Многие из них сохранились до нашего времени. Об этом свидетельствуют данные, приобретённые лингвистической наукой.

Бернар Бичакджан писал: «Лингвисты не могут проследить историю языка от лингвистических аналогов каменного топора и доисторических копьеметалок, но у нас есть возможность углубиться хотя бы на несколько тысячелетий, чтобы показать, как язык меняется. Лингвисты могут использовать диахронические данные языковых семей, имеющих древние письменные памятники и надёжно реконструированную историю, чтобы выявить тенденции развития и однонаправленные изменения и далее исследовать адаптивные преимущества, которые результат таких изменений имеет перед исходным состоянием. Такие исследования, по общему признанию, откроют перед нами прошлое всего лишь на несколько тысячелетий, но лингвистическая типология могла бы дать дополнительные сведения, которые, будучи верно экстраполированы, могли бы

предоставить большой временной промежуток для исследования языковой эволюции»[Бичакджан, 2008, с. 60].

Библиографический список

1. Барулин А. Н. К аргументации полигенеза // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 41–58.
2. Бичакджан Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 59–88.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
4. Зубов А. А. Становление и первоначальное расселение рода *Номо*. СПб.: Алетейя, 2011. 224 с.
5. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4 изд. М.: Издательство МГУ, 1981. 584 с.
6. Марков А. В. Эволюция человека. В 2 кн. Кн. 1: Обезьяны, кости и гены. М.: Астрель: CORPUS, 2012. 464 с.
7. Черниговская Т. В. Что делает нас людьми: почему непременно рекурсивные правила? // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 395–412.
8. Bichakjian B. Language in a Darwinian Perspective. – Frankfurt: Peter Lang, 2002. – 316 р.